

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-1-79-97

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ

М.Б. Смолин, канд. ист. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Французская революция, подняв на свои знамена идею “народной воли”, на несколько столетий определила центром применения человеческих усилий само человеческое общество. Европейские народы, воспитанные в христианском идеализме, с его абсолютными нравственными требованиями были переориентированы на социальный мир, с его крайне ограниченными возможностями воздаяния справедливости.

Л.А. Тихомиров подверг систематическому пересмотру сложившиеся в европейской политической философии взгляды на демократию. Считая революционные идеи во многом искусственно привнесенными, книжными убеждениями Л.А. Тихомиров, утверждал, что их влияние в России во многом объясняется “отсутствием русской национальной интеллигенции”. Крайней не самостоятельностью общественных наук в России, не способных изучить свой национальный политических опыт и дать рекомендации по развитию страны на будущее.

В своем понимании эволюции социальных опытов, Л.А. Тихомиров, обвинял в их бесплодности “новую эру” открытую французской революцией XVIII столетия. Именно с нее он видит нарушение духовного равновесия, поставившего людей на путь бесплодных химер.

Предполагая, что на смену гипертрофированному индивидуализму либерализма, как реакция на него, может прийти социализм со своим всепоглощающим коллективизмом, Л.А. Тихомиров признавал такую возможность только через революционные потрясения. Столь радикальный переворот виделся ему бесполезным и опасным, в силу того, что в его критике демократии главным пунктом было отрицание им возможности построения общества, в котором Верховной Властью реально и непосредственно может быть народная воля.

Ключевые слова: Народная воля, консерватизм, революция, критика демократии, общая воля, воля всех, Л.А. Тихомиров, социализм.

* Смолин Михаил Борисович, e-mail: fondiv@mail.ru

LEV TIKHOMIROV: OVERCOMING THE REVOLUTION AND CRITICIZING DEMOCRACY

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The French Revolution, having raised the idea of “the people’s will” to its banners, for several centuries determined human society itself as the center of the application of human efforts. The European peoples, brought up in Christian idealism, with its absolute moral requirements, were reoriented to the social world, with its extremely limited possibilities for retribution of justice.

L.A. Tikhomirov systematically revised the views on democracy that had developed in European political philosophy. His thinking surprisingly combined both a critical perception of other people’s conclusions and the ability to build his own positive constructions. He could both introduce doubts into seemingly well-established postulates, and convince of the correctness of his positive political constructions.

Considering revolutionary ideas to be largely artificially introduced, L.A. Tikhomirov, argued that their influence in Russia is largely due to the “lack of Russian national intelligentsia”. The extreme lack of independence of the social sciences in Russia, unable to study their national political experience and give recommendations on the development of the country for the future. In his understanding of the evolution of social experiences, L.A. Tikhomirov, blamed the “new era” opened by the French Revolution of the 18th century for their futility. It is from her that he sees the violation of the spiritual balance that has put people on the path of fruitless chimeras.

Assuming that the hypertrophied individualism of liberalism, as a reaction to it, could be replaced by socialism with its all-consuming collectivism, L.A. Tikhomirov recognized this possibility only through revolutionary upheavals. He saw such a radical upheaval as useless and dangerous, due to the fact that in his criticism of democracy the main point was his denial of the possibility of building a society in which the Supreme Power can really and directly be the people’s will.

Key words: *Narodnaya Volya, conservatism, revolution, criticism of democracy, general will, will of all, L.A. Tikhomirov, socialism.*

В истории русской консервативной мысли Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) как политический теоретик занимает особое, но пока не достаточно определенное место. Наследник многого и многих, он пришёл к своим взглядам после длительного революционного пути.

В молодости Лев Александрович был одним из ведущих деятелей “Народной воли” и по признанию бывших соратников считался

у них главным теоретиком¹. Как осужденный по делу о пропаганде в Империи № 134–1874 г. или, как его именовали в обществе, по процессу 193-х, Л.А. Тихомиров проводит в тюрьме четыре года, три месяца и шесть дней.

Уехав в эмиграцию (1882–1889) в Швейцарию, а затем во Францию, Л.А. Тихомиров разочаровался в западных демократиях и переосмыслил свои политические взгляды. Время, проведенное в эмиграции, он считал самым отвратительным периодом в своей жизни.

В эти годы в России шла смена поколений в консервативной среде. Один за другим умирали крупные правые писатели Ф.М. Достоевский (1881), Н.Я. Данилевский (1885), И.С. Аксаков (1886), М.Н. Катков (1887) и другие...

Для любого мыслителя важна мужественная способность время от времени проверять свои убеждения. Продолжают ли они соответствовать вновь получаемой информации, воспринимаемой внешней обстановке и внутреннему развитию. Если они перестают быть внутреннеобоснованными, то способность публично отказываться от них показывает смелость писателя, для которого истина стоит выше, чем его бывшая заработанная годами репутация.

Ещё, будучи в политической эмиграции Лев Александрович написал свою рубежную книгу “Почему я перестал быть революционером” (Париж, 1888)², которая разделила его жизнь на две части: революционную и контрреволюционную. Публикацией своей книги Л.А. Тихомиров публично разорвал свои отношения с радикальными товарищами и изложил свои новые взгляды на революцию.

¹ О.В. Аптекман признавал, что в 1879 г. “звезда Тихомирова, как идеолога революции, поднималась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись пред ним” (*Аптекман О.В. Черный передел*. М.; Л., 1923. С. 63).

В.Н. Фигнер говорила о нем: “Лев Тихомиров — наш признанный идейный представитель, теоретик и лучший писатель” (*Фигнер В.Н. Запечатленный труд*. М., 1964. Т. I. С. 243).

П.Л. Лавров писал о Тихомирове: “один из талантливейших и самых уважаемых представителей русской социально-революционной партии” (*Лавров П.Л. Письмо товарищам в России по поводу брошюры Л.А. Тихомирова*. Женева, 1888. С. 1).

“Его легко можно было бы назвать головой организации, но только не в смысле руководства, а в смысле способностей к теоретическим обоснованиям как практических начинаний, так и принципиальных положений...” (*Фроленко М.Ф. Собрание сочинений*: В 2 т. М., 1932. Т. 2. С. 48–49).

² В России книга была републикована в газете “Московские ведомости”, в 1895 г., в № 217, 224, 231 и 238, а затем вышла и отдельным изданием (М., 1895).

Преодоление революции

Развитие государственно-правовых воззрений Л.А. Тихомирова шло от критики демократического принципа к построению положительной политической философии и системы государственного права. Первые годы после перехода от революционной деятельности к защите монархии почти полностью было посвящено Л.А. Тихомировым критике революции и демократического принципа власти.

“Меня трудно обвинить в боязни быть самим собой, — писал Л.А. Тихомиров, ...1888 год был моментом, когда окончательно созрело мирозерцание, определившее всю мою последующую литературную деятельность”³.

Первая публикация книги “Почему я перестал быть революционером” была воспринята бывшими товарищами очень эмоционально. Полемика носила ярко выраженный характер партийного остракизма и выглядела как попытка политической казни ренегата революции⁴.

Посути от Л.А. Тихомирова требовали “замолчать”. Его противники, недавние политические товарищи, критикуя за изменения взглядов, вполне искренне не понимали, почему он публично отрекся от революции.

Но были и поддержавшие его, из числа бывших осужденных по процессу 193-х, например Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1851–1896)⁵ (один год и три месяца тюрьмы), который писал: “Я много раз старался доказать, что русский *нигилизм* есть явление *психологическое*, а не *политическое*, и конечно, только с этой точки зрения понятны случаи такого покаяния, как *покаяния* г. Тихомирова — покаяния, не вызванные никакими расчётами и являющегося только делом совести, и больше ничем”⁶.

³ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 24.

⁴ См.: Лавров П.Л. Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888; Русанов Н.С. Революция или эволюция. Женева, 1888; Серебряков Э.А. Открытое письмо Л. Тихомирову. Женева, 1888; Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.-Пг., 1923. Т. 3. С. 31–40; Он же. Новый защитник самодержавия и горе г. Л. Тихомирова // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.-Пг., 1923. Т. 3. С. 45–82; Он же. Рецензия на книгу Л. Тихомирова “Почему я перестал быть революционером” // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.-Пг., 1923. Т. 3. С. 41–44; и др.

⁵ Говоруха-Отрок Ю.Н. Старая погудка // Южный край. 1888. 27–29 сент. № 2659–2661.

⁶ Говоруха-Отрок Ю.Н. По поводу брошюры г. Тихомирова: Л. Тихомиров. Почему я перестал быть революционером? // Южный край. 1888. 13 августа. № 2618. С. 2.

Лев Александрович чувствуя тяжелую ответственность за гибель молодых сил в революции, считал своей нравственной обязанностью открыто выступить с критикой революционных идей: «Когда я верил, что да, я говорил — “да”; когда думаю, что нет, я и говорю — “нет”»⁷.

При этом в отношении своих бывших единомышленников, Лев Александрович подчеркнуто соблюдал даже формальные обязательства. Никто из революционеров им не был выдан полиции. Да и русская полиция ничего подобного не потребовала у человека пересмыслившего свое отношение к революции.

Критика Л.А. Тихомирова носила принципиальный характер. Революция сама по себе, и ее разнообразная тактика, террористическая, заговорщицкая, улично-баррикадная им отрицалась как не нужная для развития страны.

Считая революционные идеи во многом искусственно привнесенными, книжными убеждениями Л.А. Тихомиров, утверждал, что их влияние в России во многом объясняется “отсутствием русской национальной интеллигенции”. Крайней не самостоятельностью общественных наук в России, не способных изучить свой национальный политических опыт и дать рекомендации по развитию страны на будущее.

В своей критике революции он остановился на трех вопросах: терроризме, студенческих волнениях и формах государственного правления.

Террор, как политическую систему борьбы, Л.А. Тихомиров считал либо излишней, либо бессильной. Политические убийства, с одной стороны, показывают слабость террористов, так как они не могут вести открытую политическую борьбу с правительством, в силу своей малочисленности. С другой же стороны, сам террор никогда не заставлял правительства менять политический курс.

Помня свой опыт попадания в революцию, через студенческую среду (Императорский Московский университет) Л.А. Тихомиров в своей книге обращался напрямую к русской молодежи, призывая ее не бросаться в политический радикализм сломя голову.

“Думайте, наблюдайте, учитесь, — советовал Л.А. Тихомиров, — не верьте на слово, не поддавайтесь громким фразам... Учащаяся молодежь — это слой, из которого вырастает впоследствии государственная и умственная жизнь страны, слой драгоценный, который prepares родине неоценимые блага, если готовится осмысленно

⁷ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 29.

к своей будущей миссии... Недостаточно иметь добрые намерения, недостаточно иметь горячее чувство — нужны знания, нужно умение и особенно *выработка умственной самостоятельности*... Какое банкротство готовит своей стране поколение, которое не выработает к своему времени достаточного количества людей мужественных, крепких духом, способных всегда отыскать свой собственный путь, не поддаваясь первому впечатлению или влиянию политической моды, а тем более пустым фразам, посредством которых шарлатаны повсюду эксплуатируют доверчивые сердца!”⁸

Раннее участие в политике, основанное, как правило, на некоем чувстве несоответствия окружающей реальности, тому, что вынесено из быстрого нахватывания из прочитанной радикальной литературы, приводит к поверхностному революционному отрицанию.

Социальные знания не формируются на основе изучения собственной страны и представляемых ею общественных явлений, а берутся как универсальные из западных радикальных сочинений. До серьезной самостоятельной умственной работы добирается крайне незначительное число хорошо образованного, мыслящего слоя.

“Многих толкает в преждевременную политику, — утверждал Лев Тихомиров, — то соображение, будто бы Россия находится на краю гибели и погибнет чуть не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами.... Из диагноза одинаково следует вывод, что ждать — преступно и всякий должен идти немедленно на спасение родины с тем оружием, которое имеет сейчас”⁹.

Отказавшись о революционного мировоззрения, Л.А. Тихомиров высказался в своей книге и о самодержавной власти. С одной стороны, произошло принятие самодержавия, как результата “русской истории, который не нуждается ни в чьем признании”. С другой стороны, Лев Тихомиров стал смотреть на имперскую власть чисто социологически.

Он разделял социологические учения на две большие группы.

По одним (“социальный организм”) “всякая работа, всякая функция общества отправляется и должна отправляться правильно организованным способом, т.е. посредством специально к тому приспособленных учреждений”, т.е. развитие общества идёт по пути постоянного социального усложнения и дифференциации.

По другим (“социальный аморфизм”) “общество идет к какому-то *упрощению*, к равномерному разлитию всех специальностей и всех форм власти в массу граждан. Функции учреждений перено-

⁸ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. С. 40–41.

⁹ Там же. С. 43.

сятся на личности, и каждая личность заключает в себе некоторую долю всех социальных компетенций”¹⁰.

Лев Тихомиров разделял первый взгляд на социальное устройство. Социальное усложнение, как общественное развитие было для него историческим фактом.

Идеи Л.А. Тихомирова созвучны тому, что примерно тогда же писал Н.Я. Данилевский (1822–1885).

Понимая русский народ, как цельный организм, Николай Яковлевич, считал, что мысль, чувство и воля нации исторически сосредоточена в Государе¹¹. И потому, как органическая свободная форма власти, самодержавие не может быть ограничено или существенно изменено.

Для Н.Я. Данилевского самодержец есть живое воплощение государства, как юридической фикции, органично представляющий национальный народный идеал.

Исходя из такого нравственно-психологического представления о власти Н.Я. Данилевский выводил способность монархической власти к глубокой исторической мобилизации русского народа, называя это состояние “дисциплинированным энтузиазмом”.

Еще более схожи мысли Л.А. Тихомирова и другого русского консервативного философа Петра Евгеньевича Астафьева (1846–1893), который выводил два различных поминания истории: как развития, и как прогресса.

“Под развитием, — писал П.Е. Астафьев, — в противоположность разложению, разумеется переход простейших форм жизни генетически (во внутренней, заключающейся в их собственном существе необходимости) в сложнейшие, т.е. обладающие, при большей расчленённости и разнообразии органов и отправлений, вместе и большей их взаимозависимостью, большей, следовательно крепостью внутреннего единства. Здесь дело только в усложнении и единстве. Понятие же прогресса противоплагается понятию регресса — не упрощения (в котором, как, например, в уравнении лиц и положений, в механизации общественного строя и т.п., многие именно и видят самую сущность прогресса), но ухудшения жизни, т.е. уменьшения в ней счастья, справедливости, силы и т.п.”¹²

Идея прогресса, по П.Е. Астафьеву, привела общества к глубокому недоверию к человеку. Отсюда желание всех революционных прогрессистов заменить непосредственное влияние человека на

¹⁰ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. С. 48.

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., 1871. С. 501.

¹² Астафьев П.Е. Смысл истории и идеалы прогресса. М., 1885. С. 18.

власть, на общество, введением политических учреждений, вроде парламента или других коллективных советов.

Сам же Лев Тихомиров считал, что революционное движение лишь признак зла. Настоящее зло он видел в недостатке “серьезно выработанных умов в образованном классе, вследствие чего вся умственная работа этого класса отличается очень невысоким качеством... *полуобразованием*... Борьба с этим злом и есть, по моему мнению, главнейшая задача настоящего времени”¹³. И видел выход в общем пересмотре наших социальных и политических взглядов.

Собственно это и была личная программа действия Льва Тихомирова, в его исследовательском творчестве, вылившаяся в написании капитальных сочинений: “Единоличная власть как принцип государственного строения” (1897), “Монархическая государственность” (1905), “Религиозно-философские основы истории” (писалась в 1913–1918 гг.).

Критика либерализма и социализма

Публично разорвав с революцией своей книгой “Почему я перестал быть революционером”, Лев Тихомиров пишет покаянное письмо императору Александру III, с просьбой о помиловании. При посредничестве П.Н. Дурново (1845–1915), директора департамента полиции и будущего министра внутренних дел, письмо было передано Государю. Прочитав покаянное письмо Александр III поверил в искренность политической перемены бывшего народовольца, помиловал государственного преступника и разрешил ему возвратиться в Империю.

Лев Тихомиров смог вернуться на Родину в 1889 г. И сразу же начал деятельно реализовывать свою исследовательскую программу. Уже в 1890 г. выходит книга “Начала и концы. Либералы и террористы”¹⁴. Название книги ему навеяли строчки из стихотворения М.Ю. Лермонтова “Моя душа...” (1831)

Находишь корень зла в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.
...Концы соединяются с началами...

Книга посвящена поиску корней революционного движения в России. С точки зрения Льва Тихомирова появление революции

¹³ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. С. 51.

¹⁴ Поначалу работа печаталась в газете “Московские ведомости” в 1890 г., в № 149, 151, 152, 153, 155, 156. Подзаголовок “Либералы и террористы» появилось уже в отдельном издании.

явление скорее внутреннее, результат духовного разложения и пустоты поколений 70-х гг. XIX столетия.

Проповедь материализма, приучение молодых людей к тому, что истинно только то, что может быть понятно, вырастило в поколении того времени преувеличенное доверие к своим еще неокрепшим и недисциплинированным умам. Плывя по течению тогдашнего позитивистского представления о прогрессе, потеряв во многом понятия о Боге, молодое поколение, по мнению Льва Тихомирова, искало нравственной замены. И нашла этот суррогат, в виде веры в человечество, в социальный прогресс и торжество в будущем некоего земного материалистического рая.

Произошло с одной стороны “обоожествление” человека, а с другой стороны, идеальные религиозные установки были перенесены из области религии в область политики. Люди, потерявшие веру, но остававшиеся психологически, поведенчески порождением христианского воспитания, начали требовать от социальной действительности построения идеального общества.

Появилось то, что Лев Тихомиров называет “социальной религиозностью”. Абсолютные, чисто “религиозные”, бескомпромиссные требования, предъявлялись к социальному миру, историческая действительность которого не могла и не может их удовлетворить.

“Перенесение религиозных понятий в область материальных социальных отношений, — писал Л.А. Тихомиров, — приводит к революции вечной, бесконечной, потому что *всякое* общество, как бы его ни переделывать, будет столь же мало представлять абсолютное начало, как и общества современные или прошлых веков...”. При этом Лев Тихомиров обвинял представителей нашего образованного класса в особой избирательной форме космополитизма: «Анархист французский или немецкий ненавидит *вообще* современное общество, а не специально свое — немецкое или французское. Наш космополит, в сущности, даже не космополит, для его сердца не все страны одинаковы, а все приятнее, нежели отечество... Наш “передовой” образованный человек способен любить только “Россию будущего”, где от русского не осталось и следа»¹⁵.

Такая особая форма отечественного космополитизма, как утверждал Лев Тихомиров, породила общее мирозерцание между “смирненными” либералами и крайними революционерами. И те, и другие боролись с исторической властью самодержавия исходя из догм прогресса.

¹⁵ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 77.

Вспоминая свой путь в революцию, Лев Тихомиров писал, что “с ранней молодости я только и слышал, что Россия разорена, находится накануне банкротства, что в ней нет ничего, кроме произвола, беспорядка и хищений; это говорилось до того единодушно и единогласно, что только побывавши за границей, сравнивши наши монархические порядки с республиканскими, я мог наконец понять всю вздорность этих утверждений. Но тогда, ничего еще не зная, при молодой неопытности, право, невозможно было не поверить”¹⁶.

И это говорилось во времена великих реформ Александра II, весьма либеральных по своей сути...

Та жесткая и непримиримая риторика (“темное царство”), с которой говорили о современной ему России либералы, порождала у молодежи стремление действовать решительно революционно, не ожидая никаких конституций.

Разнилась лишь тактика достижения результата. Либералы хотели ограничить самодержавие с помощью конституции и постепенно перейти к республике. Революционные радикалы спрямляли этот путь до террора, непосредственного убийства представителей режима, с целью произвести революционный переворот.

Но при всей тактической разнице, Лев Тихомиров утверждал, что «нет ни одного революционного течения (за исключением *терроризма*), которое бы не имело своих корней или отражения в легальной литературе, по большей части с необходимыми смягчениями, иногда и без них... Мысль не может не работать, и если она даже отвращается от последнего вывода или не допускается до него цензурой, то все же останавливается очень близко от него. Человеку похрабрее или более последовательному остается затем лишь договорить несколько слов — и вот он из “мирного” деятеля превращается в революционера, из “человека общества” — во “врага общества”»¹⁷.

Нигилистические настроения в обществе неизбежно должны были вылиться в появление радикального революционного движения. Народовольцы, как утверждает Лев Тихомиров, родились как результат этого либерального раскачивания общества. Они были уверены, что представляют собой революционный авангард совершенно неизбежной революции. Понимая свою малочисленность, радикалы были убеждены, что они сильны своей революционной идеей, которая неизбежно придет в Россию и победит.

Идея революции вбивалась в неокрепшие умы, как неизбежный закон, как социальная аксиома. Как нечто, чем вообще развивается

¹⁶ Там же.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. С. 88.

этот мир, хочет он того или нет. В революцию верили истово, как в некое чудесное избавление от всех тягот и несовершенств земной жизни.

К тому же либеральное общество, само стремившееся к ограничению самодержавия, относилось к народолюбцам скорее с некоторым удивлением, чем с порицанием. Л.А. Тихомиров свидетельствует, что народолюбцы видели сочувствие со стороны либералов, которые только не решались «верить в столь радостное событие, как пришествие революции, но весьма ее желает... Сочувствие “общества” революции... казалось революционерам, со времени эпохи процессов [193-х — прим. М.С.], несомненным»¹⁸.

Ради революции “Народная воля” ввела в свой устав положение, что цель оправдывает средства, и каждый вступающий в организацию должен был торжественно исповедовать этот принцип.

Это было совершенно логично с точки зрения революции. Если революция почитается величайшим благом, то она автоматически должна почитаться и величайшей пользой и величайшей нравственной задачей. А раз так, то убийство противников революции это не только деяние полезное, но и нравственно обязательное для тех, кто стремится к величайшему благу для человечества. Высота идеала революции оправдывала в глазах народолюбцев политические убийства, как средства достижения цели.

В этом смысле Лев Тихомиров обвинял либералов, что они потакали революционерам, как полезным для себя разбойникам. Полезным для дела продвижения либералами конституции. Либералы пугали правительство, радикализмом революционеров, одновременно предлагая помощь властям взамен на введение конституции.

Подводя же итог своим наблюдениям за психологией революции и самих революционеров, Л.А. Тихомиров определял это движение, как: «возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Это алкание ненасытимое, потому что оно хочет, по существу, невозможного, хочет его с тех пор, как потеряло Бога. Возвратившись к Богу, такой человек может стать подвижником, до тех пор — он бесноватый. Это революционер из революционеров. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего бы стоило жить. Он скорее истребит все “зло”, то есть весь свет, все, изобличающее его химеру, чем уступит»¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. С. 108.

Критика демократии

Анализ революционной психологии привел Льва Тихомирова к более широкому критическому взгляду на демократический принцип властвования в целом. В 1891 г. он написал большую работу “Социальные миражи современности”²⁰, где обрисовал эволюцию демократической идеи.

В этой работе Л.А. Тихомиров выступил против распространенного взгляда на возможность выработки некоего “гармонического сочетания” монархического принципа с аристократическим и демократическим в идее смешанной верховной власти. Он утверждал, что Европа идет к своей политической эволюции к демократии и придумываемые либеральными юристами варианты конституционных сочетаний разных принципов власти говорят не о развитии идеи государственности, а скорее о торжестве социальных миражей, в финале которых маячит либо анархия, либо деспотический социализм...

Начало эпохи социальных миражей Л.А. Тихомиров возводил к Французской революции конца XVIII столетия, с ее ощущением наступления “новой эры”, поставившей человечество на “разумную” и “естественную” дорогу дальнейшего развития.

Французскими энциклопедистами на престол социальных знаний было возведено таинственное понятие “народная воля”, будто бы насквозь пропитывающее все общество, непонятно как им управляющее и при всех частных ошибках остающаяся политически “непогрешимой”.

Л.А. Тихомиров видит в идее “народной воли” некий суррогат Божией воли, который французские философы вводят, как движущую силу человеческих обществ. Отбросив мистический элемент христианства, но сохранив высокую концепцию личности, они предложили некий социальный заменитель, посути “обожеествив” само общество.

Французская революция, подняв на свои знамена идею “народной воли”, на несколько столетий определила центром применения человеческих усилий само человеческое общество. Европейские народы, воспитанные в христианском идеализме, с его абсолютными нравственными требованиями были переориентированы на соци-

²⁰ Впервые опубликована в журнале “Русское обозрение” (1891, № 7), а затем в книге “Демократия либеральная и социальная” (М., 1896). С прибавлением работ “Панама и парламентаризм”, ранее печатавшейся в “Московских ведомостях” (1892, № 351, 354, 359 и 1893, № 9 и 12), и “Коммунизм и партикуляризм”, впервые появившейся в “Русском обозрении” (1892, июль).

альный мир, с его крайне ограниченными возможностями воздаяния справедливости.

Гипертрофированная требовательность к социальному миру переросла в “вечную революцию”, в постоянное недовольство от результатов производимых перемен.

Идейно в этом процессе, Л.А. Тихомиров выделяет Ж.Ж. Руссо, как сформулировавшего идею “общественного договора”. Если всякая власть в государстве и обществе есть результат свободного договора всех граждан, то значит, эти граждане и есть обладатели власти, и всегда могут разорвать этот договор между собою и властью. А раз все одинаково участвовали в договоре, по которому была основана сама власть, то все люди одинаково равны, и могут стать опять свободными, если уничтожат договор, а значит, и саму власть.

Несмотря на недоказанность заключения когда-нибудь подобного “общественного договора”, Лев Александрович оценивал Ж.Ж. Руссо, как мыслителя достаточно высоко. И даже упрекал его последователей, в том, что они отошли от базовых установок самого учителя.

Так Руссо разделял такие понятия как “воля всех” и “общая воля”. “Волю всех”, как волю проголосовавшего большинства, он презирал, так как ее можно подкупить или запугать.

Руссо предлагал запретить все частные политические группы, кружки или партии, чтобы граждане могли отдавать свой голос исходя только из своего личного мнения, на которое никто не влияет. В крайнем случае, он допускал такие партии, которые были бы примерно равными по силе. В противном же случае, существование общей воли он отрицал и называл — частным мнением. Столь же категорично он высказывался и против партийного представительства, и постоянной армии.

Развитие демократического принципа пошло по формально понимаемой “народной воле”, как большинства проголосовавших граждан.

Л.А. Тихомиров считал, что Руссо ошибался, когда искал общую волю в выборах, там, где появлялась как раз презираемая им воля всех.

Не менее фундаментальная разница в интерпретации понятия “народная воля” происходит и из-за разного наполнения такого понятия, как “народ”.

Для одних, по Л.А. Тихомирову народ “нечто историческое целое, длинный ряд последовательных поколений, сотни или тысячи лет живших наследственно передаваемой общей жизнью. В этом виде народ, нация, представляет некоторое социально органическое

явление с более или менее ясно выраженными законами внутреннего развития”²¹.

Для других народ — простая сумма обывателей страны, соединившаяся в государство и произвольно изменяющая законы совместной жизни по своему желанию.

Либеральный демократизм воспринимает граждан страны как сумму обывателей, а потому “большинство проголосовавших” и берется как “народная воля”, на базе которой формируется власть.

Организация выборов в демократиях отдается на откуп партиям, как профессиональным политиканским группам. Чем дольше существует демократия, тем партийные политиканы всё больше складываются в правящее сословие.

“Организация партий, — писал знаменитый исследователь демократий Джеймс Брайс, — служит для органов управления почти тем же, чем служит *двигательная сила нервов для мускулов, жил и костей человеческого тела*. В их руках находится практическое применение конституции и системы управления”²².

По мнению Л.А. Тихомирова, партии в демократиях являются реальной правящей волей. Именно они, с одной стороны, проводят государственные решения, а с другой стороны убеждают массу граждан, что именно эти меры для них благоприятны, потому что существует некое голосующее большинство, которое их принимает. Эта политическая иллюзия даёт легитимацию демократическим режимам, в глазах избирателей.

Формально основанное на свободе и равенстве, демократическое общество “представляется уже не в виде расслоенного организма, где все специализировано и расположено в иерархическом порядке, а в виде некоторой протоплазмы, где все части одинаковы, все заняты всеми делами, все законодатели, все правители, все мыслители, все рабочие, все даже священники в своей свободной совести”²³.

В этой устоявшейся системе партийного представительства и парламентарного либерального демократизма, Л.А. Тихомиров видит несколько пунктов, крайне опасных для долговременного существования либерально-демократического государства: не авторитетное правящее сословие партийных политиканов, произвол в управлении государством от имени несуществующей народной воли, постоянные и невыполняемые обещания, и отсутствие пре-

²¹ Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности // Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 122.

²² Брайс Д. Американская республика. М., 1889. Ч. II. С. 267.

²³ Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности. С. 130.

емственности, каждое последующее правительство выставляет предыдущее, как изменников и обманщиков.

Альтернативу либеральным демократам, Лев Александрович видел в социалистах (социал-демократах и анархистах), считая их следующей фазой эволюции демократического принципа власти, как между головастиком и лягушкой. Либерализм начало, а социализм конец развития революций в обществе.

Собственно марксистскую социал-демократию Лев Тихомиров не любил ещё с революционных времён, за пропаганду почти механических законов социальной жизни. В своей книге он особо спорит с утверждением Энгельса, что вся человеческая история это борьба классов, которые сами являются продуктом свободы производства и обмена.

Лев Тихомиров, упрекает марксизм, что эта теория сводит все разнообразие человеческих отношений к обмену веществ, которым живет органический мир. С тем лишь дополнением, что в марксизме “обмен веществ является в сложной форме *производства*”.

Но если с точки зрения марксизма, все относительно, и со временем все может меняться и обесмысливаться, то Лев Тихомиров, задается логичным вопросом: “...не ожидает ли такая же судьба и современные социалистические идеалы?”

Марксистский культ производства он называл “самодержавным производством” и считал, что при коммунизме будет осуществлена крупнейшая попытка в человеческой истории уничтожить свободу личности.

В понятие “социальная демократия”, Л.А. Тихомировым включались как коммунизм, так и всевозможные разновидности социализма от революционного бланкизма до представленных в парламентах социал-демократических партий. Но он считал, что идея социализма с его всепоглощающим коллективизмом характерна для всех разновидностей социальной демократии.

Социал-демократия, предполагала достичь свободы, косвенным путём, через уничтожение государственности как резервуара принудительной власти. Но то, что предлагали марксисты взамен старого государства, претендовало на контроль всех сфер жизни от личной до общественной. Та экономика, о которой говорили марксисты, в масштабе мирового социалистического сообщества не предполагало ни конкуренции, ни инициативы. Экономически личность и свободы не были нужны в этом коммунистическом обществе. И поскольку в марксизме всё относительно и никакого самостоятельного существования от развития производства, чело-

веческая личность не имеет, то она может быть изменяема, так как это будет нужно “условиям производства”.

Анархисты, называвшие социал-демократов, социал-реакционерами за такое отношение к личности и свободе, напротив предлагали разрушить государство и все социальные законы, ради безграничной свободы человека.

Л.А. Тихомиров не верил в приход к власти анархистов и “настоящей опасностью” считал социал-демократию. Он утверждал, что отстроить “диктатуру рабочего класса” при революционном перевороте не так сложно. Гораздо сложнее представить, что с несвободой нового социалистического государства сможет справиться (смириться) сама человеческая личность.

Описание социалистического властвования, данные Л.А. Тихомировым за четверть века до революции 1917 г., поражают своей точностью. «Власть нового государства над личностью, — утверждал он, — будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной *классовой* диктатуры. Социал-демократы сами говорят, что придется пережить период диктатуры рабочего класса... Государство принуждено будет сохранить функции судебные и административные или рухнуть в несколько месяцев... Функции нового государства в области народного просвещения и “нравственного воздействия” на общественное мнение необходимо должны также возрасти. Национальная организация труда и распределения продуктов прибавляет государству новый безмерный источник власти, регламентации и репрессии... Пред этим всесильным государством, хотя бы оно и получило название “общества” или “народа” и т.п., личность оказывается ничтожной и бессильной пылинкой. Она зависит от общества везде и во всем, везде и во всем должна находиться в предписанных рамках... Все на миру, на виду, на общем положении, под общим надзором»²⁴.

При этом Лев Тихомиров объяснял, что с его точки зрения классы в этом новом обществе на самом деле не уничтожатся. Классы, как некие социальные слои, имеющие внутреннюю связь, формирующуюся на основании некоего общего отправления социальных функций, неизбежно появятся и при социализме. Сами партийные социал-демократические политиканы, являются теми готовыми кадрами, которых нового государство сделает многочисленными руководителями.

“В социалистическом государстве политиканствующий слой получит полный простор дойти до окончательного развития, рас-

²⁴ Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности. С. 143.

пространив свое влияние на экономическую область жизни, подобно тому как этим кончали все правящие классы в истории, каким бы путем ни возникали они”.

Лев Тихомиров предсказывал “новому обществу будущее, насквозь пропитанное деспотизмом, дисциплиной и централизацией” и не верил, в то, что личность сможет долго выдержать такой гражданский строй. В будущем, в случае его установления, он видел анархический бунт против коммунизма.

“Когда социалистический строй явится и покажет, чего *общество* требует от личности, от этого самозаклания безличному Молоху отвернутся все. Не нужно общества! Пусть живут *люди*! Это будет торжество анархии”²⁵.

В определенном смысле эти футурологические размышления, во многом схожи с реальными событиями наших 1990-е гг. с их смесью анархизма и либерализма, при разрушении социалистической государственности.

Заключая описание своего понимания эволюции социальных опытов, Л.А. Тихомиров, обвинял в их бесплодности “новую эру” открытую французской революцией XVIII столетия. Именно с нее он видит нарушение духовного равновесия, поставившего “людей на путь ложный, на путь бесплодных химер, которые неосуществимы, а если бы были осуществимы, то сулят человечеству либо невыносимо деспотический строй, либо возвращение к диким временам”²⁶.

Предполагая, что на смену гипертрофированному индивидуализму либерализма, как реакция на него, может прийти социализм со своим всепоглощающим коллективизмом, Л.А. Тихомиров признавал такую возможность только через революционные потрясения. Столь радикальный переворот виделся ему бесполезным и опасным, в силу того, что в его критике демократии главным пунктом было отрицание им возможности построения общества, в котором Верховной Властью реально и непосредственно может быть народная воля. Он не отрицал существования народной воли, но только по таким крайне редким случаям, как война, непосредственно касающаяся всего населения страны (как, например Отечественная война).

Сам Л.А. Тихомиров выработал мировоззрение, которое было проникнутое религиозным смыслом бытия, сформировал особую и основательно продуманную государственно-правовую систему “этического монархизма”, суть которой была выражена формулой:

²⁵ Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности. С. 144.

²⁶ Там же. С. 152.

“Верховная Власть ограничена содержанием своего собственного принципа”.

В своей же критике революции и идей либеральной и социальной демократии, Л.А. Тихомиров, призывал искать новые социальные пути вне демократической доктрины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аптекман О.В.* Черный передел. М.; Л., 1923.
Брайс Д. Американская республика. М., 1889. Ч. II.
Говорухо-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели. Т. II. СПб., 2012.
Лавров П.Л. Письмо товарищам в России по поводу брошюры Л.А. Тихомирова. Женева, 1888.
Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. Т. 3. М.–Пг., 1923.
Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия и горе г. Л. Тихомирова // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. Т. 3. М.–Пг., 1923.
Плеханов Г.В. Рецензия на книгу Л. Тихомирова “Почему я перестал быть революционером” // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. Т. 3. М.–Пг., 1923.
Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. Кн. 2, гл. 3.
Серебряков Э.А. Открытое письмо Л. Тихомирову. Женева, 1888.
Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888.
Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890.
Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности // Русское обозрение. 1891. № 4.
Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. М., 1896.
Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. I. М., 1964.
Фроленко М.Ф. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1932.

REFERENCES

- Aptekman O.V.* Spernyj peredel [Black redistribution]. M.; L., 1923 (in Russian).
Brajs D. Amerikanskaya respublika [American Republic]. M., 1889. Ch. II (in Russian).
Figner V.N. Zapechatlennyj trud [Imprinted work]. T. I. M., 1964 (in Russian).
Frolenko M.F. Sobranie sochinenij [Collected works]: V 2 t. T. 2. M., 1932 (in Russian).
Govoruho-Otrok Yu.N. Vo chto verovali russkie pisateli [What did Russian writers believe in?]. T. II. SPb., 2012 (in Russian).
Lavrov P.L. Pis'mo tovarishcham v Rossii po povodu broshyury L.A. Tihomirova [Letter to comrades in Russia regarding L.A. Tikhomirov]. Zheneva, 1888 (in Russian).
Plekhanov G.V. Neizbezhnyj povorot [The inevitable turn] // Plekhanov G.V. Sobranie sochinenij. T. 3. M.–Pg., 1923 (in Russian).
Plekhanov G.V. Novyj zashchitnik samodержaviya i gore g. L. Tihomirova [The new defender of the autocracy and the grief of G. L. Tikhomirova] // Plekhanov G.V. Sobranie sochinenij. T. 3. M.–Pg., 1923 (in Russian).
Plekhanov G.V. Recenziya na knigu L. Tihomirova “Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom” [Review of L. Tikhomirov's book “Why I Stopped Being a

Revolutionary”] // Plekhanov G.V. Sobranie sochinenij. T. 3. M.–Pg., 1923 (in Russian).

Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore [On the social contract]. M., 1998. Kn. 2, gl. 3 (in Russian).

Serebryakov E.A. Otkrytoe pis'mo L. Tihomirovu [An open letter to L. Tikhomirov]. Zheneva, 1888 (in Russian).

Tihomirov L.A. Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom [Why I stopped being a revolutionary]. Parizh, 1888 (in Russian).

Tihomirov L.A. Nachala i koncy. Liberaly i terroristy [Beginnings and ends. Liberals and terrorists]. M., 1890 (in Russian).

Tihomirov L.A. Social'nye mirazhi sovremennosti [Social mirages of our time] // Russkoe obozrenie. 1891. N 4 (in Russian).

Tihomirov L.A. Demokratiya liberal'naya i social'naya [Democracy liberal and social]. M., 1896 (in Russian).